

УМОЗРИТЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ТЕИСТИЧЕСКАГО МИРОПОНИМАНІЯ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

A. Vvedenskiy

ЗАКОНЪ ПРИЧИННОСТИ

И

РЕАЛЬНОСТЬ ВНѢШНЯГО МІРА.

Профессора философіи въ Московской Духовной Академіи,
А. И. Введенскаго.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.
1901.

(RECAP)

BD 546

.V 81

Отдельные оттиски изъ журнала „Вѣра и Разумъ“ за 1901 годъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Живое христiанско-теистическое мiросозерцанiе имѣтъ свои спеціальныя основы и въ каждомъ изъ насъ отли-
вается въ свою индивидуальную форму,— въ зависимости
отъ нашихъ личныхъ внутреннихъ опытовъ и пережива-
нiй. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, на извѣстной ступени развитiя
человѣка, живущаго этимъ мiросозерцанiемъ, оно неиз-
бѣжно стремится облечься и въ форму обще-философ-
скую, воспринявъ въ свой составъ, прямо или косвенно,
тѣ всеобщія умозрительныя истины, которыми философія
отвѣчаетъ на основные вопросы метафизики, теорiи зна-
нiя и этики.

Эти-то умозрительныя истины, обусловливающія воз-
можность переработки живаго христiанско-теистическаго
мiросозерцанiя въ форму законченнаго и цѣльнаго фи-
лософскаго мiропониманiя и отчасти входящія въ его
составъ, мы и называемъ *умозрительными элементами*
теистическаго мiропониманiя. Ихъ выясненiю и будетъ
посвященъ нашъ трудъ, открываемый настоящимъ вы-
пускомъ и долженствующій имѣть, если позволятъ об-
стоятельства и силы, продолженiе,—можетъ быть, не
краткое.

Мы пишемъ не систему, но рядъ, болѣе или менѣе са-
мостоятельныхъ, философскихъ этюдовъ, посвященныхъ
разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ, соприкасающихся съ
живымъ христiанско-теистическимъ мiросозерцанiемъ. И
хотя система, внутренне цѣльная и законченная, нами

повсюду предполагается, какъ руководящій принципъ, однако въ такомъ значеніи и такой формѣ она, очевидно, не можетъ насъ связывать *внѣшними* требованіями и съ необходимостію опредѣлять выборъ, а тѣмъ болѣе порядокъ подлежащихъ нашему обсужденію вопросовъ. Это оставляетъ намъ ту относительную долю свободы въ переходѣ отъ предмета къ предмету, которая необходима человѣку, вынужденному считаться съ внѣшними условіями своей работы, часто, вопреки желанію, отвлекающими его вниманіе въ другую сторону, а чрезъ то отклоняющими и отъ прямолинейнаго изложенія „системы“.

Въ ближайшемъ выпускѣ, если ему суждено появиться, мы предполагаемъ рассмотреть вопросъ о *пространствѣ и времени, въ связи съ ученіемъ о бытіи сверхпространственномъ и сверхвременномъ*.

Профессоръ Алексѣй Введенскій.

1901 г., августа 28.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I.

ЗАКОНЪ ПРИЧИННОСТИ.

	<i>Стр.</i>
Предварительныя замѣчанія	1—4
ГЛАВА ПЕРВАЯ: установка понятія о причинности . .	5—56
Постановка вопроса	5—6
1. Несостоятельность рационалистическаго пониманія причинности: реальная причинная связь при немъ смѣшивается съ чисто логическимъ слѣдованіемъ одного понятія изъ другаго, какъ изъ своего логическаго основанія	6—17
2. Несостоятельность эмпирическаго пониманія причинности: внутренняя причинная связь событій при немъ смѣшивается съ ихъ вѣншею сопринадлежностью	17—27
3. Несостоятельность критическаго (Кантовскаго) пониманія причинности: его формула не можетъ быть оправдана строгаго логически, вслѣдствіе чего и его примѣненіе къ частнымъ конкретнымъ случаямъ представляетъ непреодолимыя затрудненія	27—37
4. Положительное рѣшеніе вопроса: установка понятія о причинности съ точки зрѣнія философіи воли.	37—50
5. Разъясненіе и оправданіе результата предлагаемаго изслѣдованія	50—56
ГЛАВА ВТОРАЯ: возвышеніе понятія причинной связи въ законъ причинности	57—106
1. Три момента въ процессъ возвышенія понятія причинности въ законъ: а) вѣра, б) опытъ (=наблюденіе и экспериментъ) и в) умозрительная установка логической очевидности закона	57—70
2. Неудовлетворительность рационалистическаго обоснованія закона причинности: оно отчасти а) страдаетъ догматизмомъ, приводящимъ къ ложнымъ выводамъ, отчасти—б) смѣшиваетъ различныя порядки бытія (логическій и реальный)	70—81
3. Несостоятельность Кантовскаго обоснованія закона причинности: оно страдаетъ принципиальнымъ паралогизмомъ, обусловленнымъ двусмысленностію введенныхъ въ аргументацію понятій, вслѣдствіе чего и самое изложеніе его представляетъ одинъ сложный софизмъ	82—94

4. Несостоятельность эмпирическаго ученія о законѣ причинности: въ немъ есть черты, родственныя волюнтаристическому ученію о законѣ; но въ общемъ и оно страдаетъ своими недостатками, при послѣдовательномъ развитіи приводящими къ скептицизму	94 - 105
5. Общіе результаты и переходъ къ дальнѣйшему основному вопросу нашего изслѣдованія	105—106
ГЛАВА ТРЕТЬЯ: формы или виды причинной связи	107—147
Постановка вопроса	107—108
1. Первая пара противоположныхъ формъ причинной связи: причинность психическая (внутренняя, актуальная) и физическая (внѣшняя, субстанціальная), въ связи съ вопросомъ о свободѣ воли.	108—113
2. Причинность творческая и механическая, въ связи съ вопросомъ о законахъ сохраненія и возрастанія энергіи	114—129
3. Причинность телеологическая (финальная, конечная) и этиологическая (связь каузальная, причина дѣйствующая)	130—139
4. Метафизическіе выводы	139—145
ЗАКЛЮЧЕНІЕ	145—146

II.

РЕАЛЬНОСТЬ ВНѢШНЯГО МІРА.

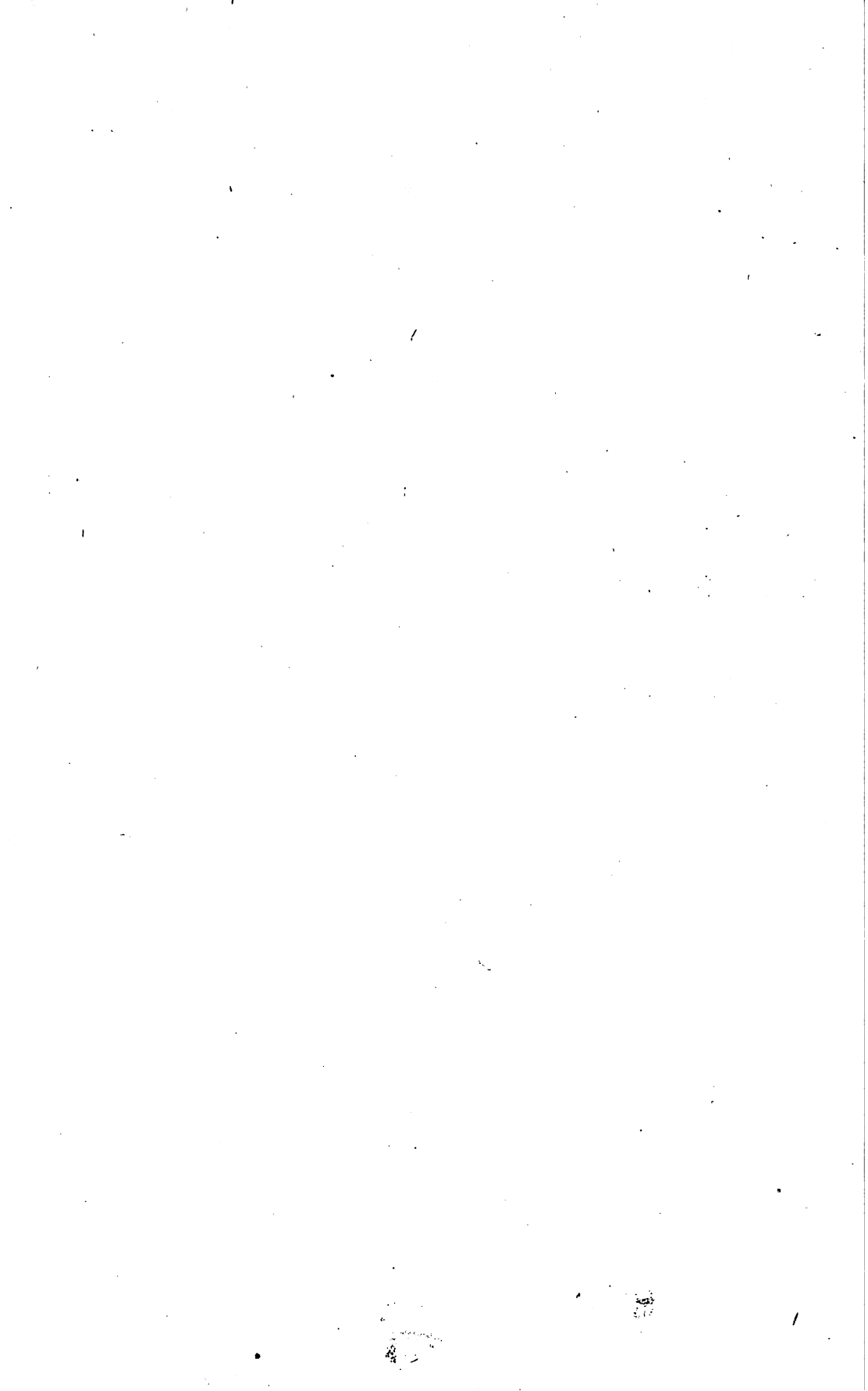
1. Разъясненіе и постановка вопроса	147—152
2. Анализъ общей схемы регрессивнаго доказательства (первой формы—теоретическаго).	152—157
3. Анализъ частныхъ примѣровъ регрессивнаго доказательства (первой формы).	157—167
4. Анализъ второй формы регрессивнаго доказательства (практическая постановка)	167—174
5. Перестановка вопроса.	174—180
6. Изложеніе прогрессивнаго доказательства реальности внѣшняго міра (первая половина)	180—193
7. Изложеніе прогрессивнаго доказательства реальности внѣшняго міра (вторая половина)	193—203
8. Доказательство реальности внѣшняго міра „отъ про- тивнаго“: критика послѣдовательнаго феноменализма	203—215

9. Разборъ теорій: универсальнаго движенія и такъ называемыхъ специфическихъ энергій органовъ чувствъ въ связи съ вопросомъ объ умѣстности, въ сознательной и научно мотивированной постановкѣ внѣшняго міра, эстетическаго аргумента. 215—235
 10. О различіи реализма наивнаго и преобразованнаго. 235—242
 11. Реальность души человѣка: методологія философской психологіи 242—270
-

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Буддійское ученіе о „цѣпи причинностей“.

1. Формула и ея разъясненіе по первоисточникамъ . 271—282
 2. Самсара, какъ необходимое предположеніе буддійскаго ученія—о „цѣпи причинности“ 282—293
 3. Гносеологическая природа и метафизическія слѣдствія буддійскаго ученія о „цѣпи причинностей“ . 293—299
 4. Ученіе о самсарѣ и кармѣ, какъ выраженіе практическихъ постулатовъ религіознаго сознанія . . . 300—312
-

ЗАКОНЪ ПРИЧИННОСТИ.

Опытъ разъясненія закона съ точки зрѣнія философіи воли
или волюнтаризма.

Съ оригинальными философскими идеями обыкновенно случается то же, что и съ выдающимися историческими дѣятелями. Какъ и эти послѣдніе, возвышаясь надъ уровнемъ мысли вѣка, онѣ обнаруживаютъ сначала могучее вліяніе на умы, опредѣляютъ характеръ и направленіе умственной дѣятельности своей эпохи и почти безраздѣльно владѣютъ сознаниемъ. Но затѣмъ, когда онѣ раскрыли все свое содержаніе, ихъ обаяніе и власть надъ сознаниемъ мало по малу ослабѣваетъ и вѣчно беспокойная, никогда не удовлетворяющаяся человѣческая мысль опять начинаетъ искать новыхъ, болѣе оригинальныхъ, болѣе отвѣчающихъ ея потребностямъ и идеаламъ, началъ.

Философію 18-го вѣка можно съ полнымъ правомъ назвать философіею разума (ratio). Въ связанной системѣ прозрачныхъ понятій, въ которую эта философія укладывала всю дѣйствительность, легко дышалось умамъ той эпохи. Эти системы казались хорошимъ противовѣсомъ одностороннему погруженію въ область „узкой эмпири“ и чувственности и надежнымъ оплотомъ идеальныхъ интересовъ и стремленій человѣчества. Но прошло время и было признано, что раціональная философія, въ своей исключительности и односторонности (какъ „раціонализмъ“) не менѣе враждебна этимъ интересамъ, чѣмъ и самый эмпиризмъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь и „философія разума“ въ концѣ концовъ приводитъ къ монизму, связываетъ все дѣйствительное цѣпью желѣзной необходимости, при чемъ въ мірѣ не

остается мѣста свободѣ, а надъ міромъ—личному Божеству. Правда, это монизмъ не механическій, къ которому приводитъ эмпиризмъ, а логическій; но по своимъ выводамъ они совершенно одинаковы. Во имя чего-же дорожить однимъ (логическимъ) болѣе другаго (механическаго) и ставить его выше этого послѣдняго?

И вотъ разочарованная мысль постепенно освобождается изъ-подъ власти раціонализма и ищетъ новыхъ началъ. Она отступаетъ въ глубину человѣческаго духа, къ его непроницаемымъ для логики, „нераціонализируемымъ“, но тѣмъ не менѣе властнымъ, началамъ и съ ними хочетъ свѣрять свои выводы. Кантъ, Шеллингъ, Шопенгауеръ, съ одной стороны, Мэнъ-де-Биранъ и его школа, съ другой, содѣйствуютъ этой перестановкѣ руководящаго принципа и направленія мысли. Прежде отъ *разума* (*ratio*) ждали разъясненія всѣхъ тайнъ бытія; теперь въ непроницаемой для разума, вышеразумной *волевой* основѣ нашего существа стали искать откровенія высшаго міра и вмѣстѣ указанія пути, по какому должно идти къ истолкованію дѣйствительности, къ постиженію смысла бытія и жизни. На мѣсто *раціонализма* вступилъ такимъ образомъ *волюнтаризмъ* (философія воли).

Если позволительно говорить о модѣ въ философіи, то волюнтаризмъ можно назвать философскою модою нашихъ дней. Подъ именемъ волюнтаризма, въ самомъ общемъ смыслѣ термина, разумѣется такое направленіе философской мысли, которое признаетъ основою и сущностью дѣйствительности волю, аналогичную нашей, а сообразно съ этимъ и субъективнымъ органомъ постиженія и истолкованія бытія считаетъ такъ-же волю. Однако, воля признается принципомъ бытія и знанія не только въ своихъ чисто психологическихъ опредѣленіяхъ, но и въ опредѣленіяхъ нравственныхъ, эстетическихъ, религіозныхъ и вообще всѣхъ практическихъ. Теорія такъ называемаго „психологическаго спектра“¹⁾, по которой въ каждомъ актѣ нашей жизни анализъ можетъ вскрыть

¹⁾ Терминъ впервые введенъ *Льюисомъ* (Вопросы о жизни и духѣ, т. I, стр. 148—153), хотя у него онъ имѣетъ нѣсколько своеобразный (узкій) смыслъ.

разомъ и элементы воли, и чувства, и мысли,—эта теорія, отмѣчающая крупный и несомнѣнный фактъ въ нашей внутренней жизни, не могла, конечно, остаться безъ вліянія на философію волюнтаризма и дѣйствительно ея развитіе совершается теперь именно въ этомъ направленіи. Восполнить недостаточность внѣшне-эмпирическаго и отвлеченно-логическаго объясненія дѣйствительности чрезъ подстановку на мѣсто иксовъ, остающихся въ системѣ дѣйствительности для обѣихъ этихъ точекъ зрѣнія, тѣхъ величинъ, которыя даютъ намъ непосредственные опыты нашей воли въ ея практическихъ опредѣленіяхъ, чтобы такимъ образомъ содѣйствовать гармонизаціи знанія и жизни, дѣятельности теоретической и практической: вотъ задача волюнтаризма и вмѣстѣ особенность, отличающая это направленіе философской мысли отъ другихъ ¹⁾).

Въ настоящемъ изслѣдованіи мы намѣрены разъяснить и обосновать, съ только что характеризованной точки зрѣнія, законъ причинности. При этомъ мы преслѣдуемъ двоякую цѣль: во-первыхъ, отмѣнить, на этомъ частномъ вопросѣ, особенности волюнтаризма, какъ своеобразнаго философскаго направленія, и во-вторыхъ, содѣйствовать рѣшенію вопроса о причинности, который, вслѣдствіе своей трудности и центральнаго значенія въ системѣ философіи, справедливо разсматривается иногда какъ *crux metaphysicorum*. Само собою понятно, что мы отнюдь не склонны выдавать своихъ соображеній за окончательное рѣшеніе вопроса: вѣчно подвижная и беспокойная человеческая мысль никогда не останавливается, всегда ищетъ и будетъ искать новыхъ и новыхъ перспективъ, новыхъ точекъ зрѣнія. Это понятно и естественно. Но, съ другой стороны, ея восхожденіе на высшія ступени, ея движеніе впередъ, какъ извѣстно, возможно не иначе, какъ чрезъ тщательное разъясненіе новыхъ элементовъ и новыхъ сторонъ въ старыхъ вопросахъ. Въ этихъ именно предѣлахъ мы и ставимъ свою настоящую задачу.

¹⁾. Болѣе подробное разъясненіе понятія о *волюнтаризмѣ* см. въ нашей книгѣ: «Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи». М. 1894. стр. 167 и слѣд., ч. I.

По самому существу дѣла наше изслѣдованіе должно распа-
даться на три части: во-первыхъ, мы должны точно устано-
вить *понятіе* причинности, ограничивъ его отъ всѣхъ другихъ
родственныхъ и смежныхъ понятій; во-вторыхъ, мы должны
прослѣдить, какъ совершается возвышеніе этого понятія въ
законъ; наконецъ, въ-третьихъ должны различить основныя
формы или виды причинности. Такимъ образомъ, содержаніе
нашего изслѣдованія само собою распадается на три главы и
этимъ опредѣляется его планъ, къ выполненію котораго мы
теперь, послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, и переходимъ.

I.

Установка понятія о причинности.

Почти чрезъ всю исторію философіи проходитъ смѣшеніе понятія о причинности съ закономъ причинности. Даже въ сочиненія тонкихъ и осторожныхъ мыслителей проскальзываетъ иногда эта ошибка, являясь въ свою очередь источникомъ ряда новыхъ ошибокъ. А между тѣмъ это двѣ совершенно различныхъ стороны вопроса: понятіе о причинности ясно и глубоко отличается отъ закона. Намѣтимъ здѣсь прежде всего, хотя лишь въ общихъ чертахъ, это различіе ¹⁾.

Понятіе о причинности, очевидно, должно отвѣчать на такой вопросъ: когда въ данномъ частномъ случаѣ я называю что-нибудь (предметъ, событіе, вообще нѣкоторое А) причиною, а другое нѣчто (нѣкоторое другое событіе, предметъ, вообще нѣкоторое В) дѣйствіемъ, то что собственно подъ этимъ ихъ причиннымъ отношеніемъ я разумѣю? По какимъ чертамъ распознаю, что А есть причина, а В—дѣйствіе? По какому праву считаю въ данномъ случаѣ А причиною В? Въ чемъ вижу существо причинной связи въ этомъ частномъ случаѣ? Словомъ, какіе признаки вношу или какими признаками опредѣляю свое понятіе о причинной связи?

Совсѣмъ другіе возникаютъ у насъ вопросы, когда рѣчь идетъ о законѣ причинности. Здѣсь мы спрашиваемъ уже о томъ, по какому праву для каждаго, какого угодно, а не для этого только, событія я ищу причины? По какому праву отношеніе, усматриваемое мною въ томъ или другомъ частномъ случаѣ причинной связи, я распространяю на всѣ событія и явленія и утверждаю, какъ ихъ всеобщій, господствующій надъ всѣми ими законъ? Словомъ, по какому праву и на какомъ основаніи этому частному отношенію я придаю универсальное значеніе?

¹⁾ Cp. *Vaihinger*: *Commentar zu Kant's Kritik der reinen Vernunft*, B. I, s. 211 und folg. 344 und folg.

Если я, напримѣръ, скажу: „связь, при которой нѣкоторое А постоянно предшествуетъ нѣкоторому В, есть связь причинная“, то я формулирую *понятіе* причинности (именно съ эмпирической точки зрѣнія,—см. ниже). Но если я скажу: „всякое измѣненіе должно имѣть производящую его причину“, то я дамъ одну изъ формулъ закона причинности (правильную или нѣтъ,—это для насъ пока не важно).

Очевидно, намъ прежде всего необходимо установить понятіе причинности (такъ какъ законъ его уже предполагаетъ), и настоящая глава посвящена именно этой сторонѣ вопроса. Говоря иначе, намъ необходимо отграничить понятіе причинности отъ всѣхъ сродныхъ и смежныхъ понятій (наприм., логическаго слѣдованія, внѣшней сопринадлежности и пр.) и выяснить, какими признаками и почему именно этими мы его опредѣляемъ. А для этой цѣли мы должны подвергнуть строгому логическому анализу существующія понятія о причинности, выдѣлить изъ нихъ все случайное, не выдерживающее сопоставленія съ фактами и не удовлетворяющее требованіямъ логики, прослѣдить источники понятія, чтобы, такимъ образомъ, въ него не могъ проскользнуть такой элементъ или признакъ, относительно котораго мы не можемъ дать себѣ отчета, которому не можемъ дать логическаго оправданія ¹⁾.

Основныхъ типовъ въ рѣшеніи нашего вопроса четыре, которые, по степени ихъ восходящей сложности и близости къ рѣшенію правильному, можно расположить въ слѣдующемъ порядкѣ: рѣшеніе *раціоналистическое*, *эмпирическое*, *критическое* (Кантовское) и *волюнтаристическое* (съ точки зрѣнія философіи воли). Въ этомъ порядкѣ мы и поведемъ свое изслѣдованіе.

1. Несостоятельность раціоналистическаго пониманія причинности: реальная причинная связь при немъ свѣшивается съ чисто логическимъ слѣдованіемъ одного понятія изъ другихъ, какъ изъ своего логическаго основанія.

Итакъ, что такое причинность для философіи, признающей своимъ верховнымъ принципомъ логическую очевидность,—для

¹⁾ О различіи *психологической* и *логической* точекъ зрѣнія на вопросъ см. въ замѣчательной специальной монографіи Вундта: Ueber psychische Causalität und d. Prinzip d. psychophysischen Parallelismus (Philos. Studien, 10 B. I Heft), ss. 6 und folg.

философіи разума, въ специальномъ смыслѣ этого термина (ratio) или, какъ ее обыкновенно называютъ, философіи рационалистической?

Ясно, что, руководясь своимъ основнымъ началомъ, эта философія будетъ стремиться довести связь причины и дѣйствія до такой прозрачности, чтобы она являлась столь-же понятною и необходимою, какъ понятно и необходимо логическое слѣдованіе одной мысли изъ другой, ее обосновывающей или содержащей. Говоря иначе, она будетъ стремиться, по самому своему существу, привести отношеніе реальное къ отношенію мыслимому, логическому, идеальному,—такъ сказать распуścić или растворить реальный причинный процессъ въ мысли. Такое стремленіе мы дѣйствительно и находимъ въ системахъ философовъ—раціоналистовъ. Такъ, Спиноза—этотъ рѣшительнѣйшій и типичнѣйшій раціоналистъ, какого только знаетъ исторія,—ставитъ положеніе о тождествѣ причинной и логической связи въ основу своей знаменитой Этики и проводитъ его со всею послѣдовательностію и рѣзкостью. „Порядокъ и связь идей и порядокъ и связь вещей,—говоритъ онъ,—одно и то же“¹⁾, такъ что „изъ данной определенной причины необходимо вытекаетъ слѣдствіе“, которое мы и можемъ усмотрѣть въ ней чистою мыслью, безъ всякой помощи опыта: „знаніе дѣйствія зависитъ отъ знанія причины“ (т. е., если извѣстна причина, въ ней непосредственно и прямо можетъ быть усмотрѣно и дѣйствіе), равно какъ и наоборотъ „знаніе дѣйствія включаетъ въ себѣ и знаніе причины“ (т. е., если извѣстно дѣйствіе, то въ немъ прямо и непосредственно можетъ быть усмотрѣна причина)²⁾. Типомъ причинной связи для Спинозы служитъ зависимость свойствъ геометрическихъ фигуръ отъ ихъ опредѣленія: имѣя въ виду такъ называемыя генетическія опредѣленія фигуръ, таковыя опредѣленія Спиноза называетъ опредѣленіями *causarum proximarum* (напримѣръ: „окружность есть линія, образующаяся отъ движенія радіуса около его неподвижнаго конца“), что считаетъ фигуру со всѣми ея особенными свойствами *отъ*

¹⁾ *Ethics*, Часть 2-я, теорема 7-я (см. русс. перев., изд. Моск. Психолог. Общества, подъ ред. В. П. Преображенскаго, стр. 70).

²⁾ *Ibid.*, часть 1-я, аксіомы 3-я и 4-я (стр. 3).